

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 11–34.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 11–34.

Научная статья / Original article

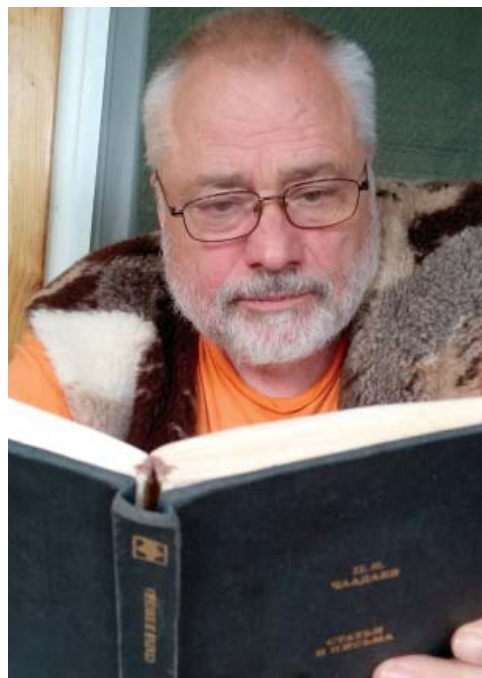
УДК 94(47).066

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-11-34

## «ДЕЛО ЭТО, ЗАТРАГИВАЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО, У КОТОРОГО СВОИ ЗАКОНЫ»: ЕКАТЕРИНА, ПУГАЧЕВ, ВОЛЬТЕР

**Владимир Карлович Кантор**

Национальный исследовательский  
университет «Высшая школа экономики»,  
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru



**Марина Сергеевна Киселева**

Институт философии  
Российской академии наук,  
Москва, Россия, markiseleva@gmail.com



**Аннотация.** Статья посвящена анализу событийной истории России второй половины XVIII века, ее акторов, прежде всего Екатерины Великой, управлявшей империей 34 года. Возможность сопоставить известный материал внутренней и внешней истории государства с оценкой текущих событий в переписке императрицы с Вольтером и другими интеллектуалами Европы дает «личный» ракурс в понимании как главного внутреннего ее антагониста в сохранении государства — Пугачева, восставшего против властей и разорившего юго-восточные земли России в 1773–1774 годах (двумя годами ранее Россия пережила Чумной бунт), так и дальнейших проведенных ею правовых и экономических преобразований империи. Однако существовали и внешние антагонисты: Российская государственность от Петра до Екатерины обрела статус европейской просвещенной монархии, что беспокоило Европу, не желавшую включать нового политического участника в ансамбль старых, имеющих свою историю отношений. Екатерина, осознавая это, говорила, что Россию не любят за то, что она такая большая. Турция, как новый участник, использовалась против России. Обращено внимание на денежную поддержку западными государствами Емельяна Пугачева и верхушки бунтовщиков. Трудная и не сразу удавшаяся победа Екатерины и ее опоры — дворянства — поставила перед императрицей вопросы дальнейшего правового усовершенствования России. Важной проблемой, приходят к выводу авторы, стало цивилизационное освоение присоединенных к империи земель (рост населения: с 19 млн до 36 млн). Проект Екатерины, прежде всего городская реформа, имел не только территориально-правовое и структурное, но и культурно-просветительское значение для дальнейшего развития дела государства и его «законной» составляющей.



**Ключевые слова:** Екатерина Великая, Вольтер, русский бунт, Пугачев, Державин, Пушкин, Михельсон, Бибиков, война



**Благодарности.** Часть статьи, написанная В. К. Кантором, подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).



**Ссылка для цитирования:** Кантор В. К., Киселева М. С. «Дело это, затрагивающее государство, у которого свои законы»: Екатерина, Пугачев, Вольтер // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 4. С. 11–34. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-11-34.

*From the Editor*

“THIS IS A MATTER AFFECTING A STATE, THAT HAS ITS OWN LAWS”:  
EKATERINA, PUGACHEV, VOLTAIRE

**Vladimir K. Kantor**

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),  
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

**Marina S. Kiseleva**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia, markiseleva@gmail.com



**Abstract.** The article is devoted to the analysis of the event history of Russia of the 2<sup>nd</sup> half of the 18<sup>th</sup> century, its actors, first of all, Catherine the Great, who ruled the empire for 34 years. The opportunity to compare the well-known material of the internal and external history of the state with the assessment of current events in the correspondence of the Empress with Voltaire, etc. intellectuals of Europe give a “personal” perspective in understanding as its main internal antagonist in the preservation of the state — Pugachev, who rebelled against the authorities and ravaged the southeastern lands of Russia 1773–1774 (two years earlier, Russia had experienced a Plague Riot), as well as in the further legal and economic transformations of the empire carried out by it. However, there were also external antagonists: Russian statehood from Peter to Catherine acquired the status of a European enlightened monarchy, which worried Europe, which did not want to include a new political participant in the ensemble of old relations with their own history. Ekaterina, realizing this, said that Russia is not loved because it is so big. Turkey, as a new participant, was used against Russia. Attention is drawn to the monetary support of the Western states of Emelyan Pugachev and the top of the rebels. The difficult and not immediately successful victory of Catherine and her support of the nobility raised questions of further legal improvement of Russia before the Empress. An important problem, the author concludes, was the civilizational development of the lands annexed to the empire (population growth: from 19 to 36 million). Catherine’s project, and, above all, the city reform, had not only territorial, legal and structural, but also cultural and educational significance for the further development of the state and its “legitimate” component.



**Keywords:** Catherine the Great, Voltaire, Russian revolt, Pugachev, Derzhavin, Pushkin, Mikhelson, Bibikov, war



**Acknowledgments.** Part of the article, written by V. K. Kantor, was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).



**For citation:** Kantor, V. K., Kiseleva, M. S. (2023) “This is a matter affecting a state, that has its own laws’: Ekaterina, Pugachev, Voltaire”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 11–34. (In Russ.).  
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-11-34.

---

Пушкин назвал Петра Великого божественным случаем, спасительным для России. Петр построил мощное государство. Но усилия одного даже гениального строителя — еще не гарантия крепости создающейся новой империи. Так оно и было: череда правителей России, сменявших друг друга после Петра, не очень-то думала о государстве. Разве что родная дочь Петра Елизавета, поддержавшая Ломоносова, открывшая в Москве университет и победившая Пруссию. Следующий правитель за Елизаветой был Петр III. Родственные его отношения были удивительны. Внук Петра I — сын его дочери Анны и Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, внучатый племянник Карла XII, врага России и Петра Великого. В 1745 году шестнадцатилетняя немецкая принцесса Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербстская (которую позже назвали Екатериной Великой) вышла замуж за Петра Федоровича Романова. Этот союз был направлен на укрепление отношений государств-союзников, поэтому о чувствах будущих супругов никто не думал при заключении брака. Юная жена пыталась наладить отношения с супругом, но он заявил, что любит другую, а Екатерина ему противна.

Стремясь как можно быстрее выучить русский язык, будущая императрица занималась по ночам, сидя у открытого окна на морозном воздухе. Вскоре она заболела воспалением легких, и состояние ее было столь тяжелым, что ее мать предложила привести лютеранского пастора. София, однако, отказалась и послала за православным священником Симоном Тодорским. Это обстоятельство прибавило ей популярности при русском дворе. 28 июня (9 июля) 1744 года София Фредерика Августа перешла из лютеранства в православие и получила имя Екатерины Алексеевны (то же имя и отчество, что и у матери Елизаветы — Екатерины I), а на следующий день была обручена с будущим императором.





Анна Розина де Гаск. Великая княгиня Екатерина Алексеевна с супругом Петром III Федоровичем. 1756. Национальный музей Швеции, Стокгольм

В 1758 году Пруссия была завоевана русскими войсками в результате Семилетней войны. Кенигсберг стал русским городом, и немецкий философ Кант написал письмо императрице Елизавете Петровне:

Всесветлейшая, великодержавнейшая императрица, самодержица всех россиян, всемилостивейшая императрица и великая жена!

С кончиной блаженной памяти доктора и профессора Кипке освободился пост ординарного профессора логики и метафизики Кенигсбергской академии, который он занимал. Эти науки всегда были предпочтительным предметом моих исследований.

С тех пор как я стал доцентом университета, я читал каждое полугодие по этим наукам private лекции. Я защитил публично по этим наукам 2 диссертации, кроме того, 4 статьи в Кенигсбергских ученых записках, 3 программы и 3 других философских трактата дают некоторое представление о моих занятиях.

Лестная надежда, что я доказал свою пригодность к академическому служению этим наукам, но более всего всемилостивейшее расположение Вашего



Иммануил Кант и Елизавета Петровна

Импер. Величества оказывать наукам высочайшее покровительство и благосклонное попечительство побуждают меня верноподданнейше просить Ваше Имп. Величество соблаговолить милостиво определить меня на вакантный пост ординарного профессора, уповая на то, что академический сенат в рассуждении наличия у меня необходимых к сему способностей сопроводит мою верноподданнейшую просьбу благоприятными свидетельствами. Умолкаю в глубочайшем унижении,

Вашего Импер. Величества верноподданнейший раб Иммануил Кант.

Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.

[Кант, 1980, с. 505]

Об этом не все помнят, хотя факт замечательный. Но Елизавета отложила письмо философа, который не был еще знаменит, а через несколько лет умерла. Оказавшись у власти, ее племянник Петр III, не скрывавший своего преклонения перед Фридрихом II, немедленно прекратил военные действия против Пруссии и заключил с прусским королем Петербургский мирный договор (1762). Он вернул завоеванную Восточную Пруссию и отказался от всех приобретений в ходе Семилетней войны, практически выигранной Россией.

Все жертвы, весь героизм русских солдат были перечеркнуты единым махом, что выглядело настоящим предательством интересов отечества и государственной изменой. Выход России из войны спас Пруссию от полного поражения. Заключенный мир недоброжелатели Петра III трактовали как истинное национальное унижение, поскольку продолжительная и затратная война за-



Вильгельм Кампхаузен. Портрет Короля Пруссии Фридриха II. 1870. Дворец Сан-Суси, Потсдам

кончилась буквально ничем. Ломоносов писал в Оде на восшествие на престол Екатерины: «Слышал ли кто из в свет рожденных, / Чтоб торжествующий народ / Предался в руки побежденных? / О стыд, о странный оборот!» [Ломоносов, 1986, с. 170].

Известно, что в ночь на 28 июня 1762 года Екатерина II в сопровождении Алексея и Григория Орловых прибыла из Петергофа в Санкт-Петербург в казармы Измайловского полка, где немедленно была провозглашена самодер-



А. П. Антропов. Портрет Петра III. 1762. ГТГ



жавной императрицей. От измайловцев она поехала в казармы Семеновского полка, где сцена повторилась и куда вскоре подошли преображенцы и конногвардейцы. Гонцы были отправлены к трем полкам, уже выступившим в поход на Данию, — в Кронштадт, а также в Ливонию и Померанию, где находились значительные воинские соединения, к помощи которых мог попытаться прибегнуть Петр III. В Казанском соборе духовенство провозгласило Екатерину самодержавной государыней, а затем в Зимнем дворце началась присяга гражданских и военных чинов. Петр III, видя безнадежность сопротивления, на следующий день отрекся от престола, был взят под стражу и вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах.

Карамзин писал:

Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать, как земной Бог, — и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких — Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца: ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою — победами, законодательством, просвещением. Ее душа, гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением, — и страхи Тайной канцелярии исчезли, с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в высших гражданских состояниях. Мы приучились судить, хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести — добродетель превосходная в монархе! Уверенная в своем величии, твердая, непреклонная в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех государственных движений в России, не выпуская власти из собственных рук — без казни, без пыток влияя в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников живейший страх сделаться ей неугодным и пламенное усердие заслуживать ее милость...

[Карамзин, 1991, с. 40–41]

Екатерина Великая — немка, ставшая русской, причем русской патриоткой, настоящий геополитик, императрица, строившая Россию как могучее государство. Она переписывалась с самыми знаменитыми на тот момент европейскими философами (Вольтер, Дидро, Даламбер), создавая новое информационное





Вольтер

пространство вокруг России. Екатерина вполне понимала, какой страной она правит. Но хотела понять больше. Она поехала вдоль Волги, осматривая просторы России, и из Казани написала Вольтеру (18–20 мая 1767 года):

Эти законы, о которых уже так много говорят теперь, в конце концов, еще совсем не выработаны. И кто в состоянии ответить теперь, что они окажутся действительно хороши и разумны? В сущности, только потомству, а не нам, будет под силу решить этот вопрос. Вообразите себе только то, прошу вас, что назначение их — служить и Азии, и Европе: а какая существует там разница в климатах, людях, обычаях, — даже в самих идеях!..

Наконец-то я в Азии; я ужасно хотела видеть ее своими собственными глазами. В городе, здесь население состоит из двадцати различных народностей, совсем не похожих друг на друга. А между тем необходимо шить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем.

[Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 103]

Не случайны строки Г. Р. Державина (1743–1816), понимавшего необъятность России, обращенные к Екатерине:

Богородная царица  
Киргиз-Кайсацкия орды!  
Которой мудрость несравненна...

[Державин, 1983, с. 35]

Повторим хотя бы некоторые ее важные деяния, о которых пишут практически все историки.

Императрица основала Воспитательный дом в петербургском Смольном монастыре, создала Вольное экономическое общество, написала знаменитый «Наказ», созвала Уложенную комиссию, секуляризировала церковные земли, разгромила в двух войнах Турцию, участвовала в разделе Польши, разгромила пугачевщину, постоянно общалась с великими французскими мыслителями, опубликовала манифест о свободе предпринимательства, провела в стране губернскую реформу, поддержала Соединенные Штаты Америки, присоединила



Д. Г. Герасимов. Портрет Т. Димсдейла. 1769.  
Офорт. ГММИ имени А. С. Пушкина

к России Крым, подписала Георгиевский трактат о протекторате России над Грузией, пригласила скульптора Фальконе, создавшего памятник Петру Великому в Петербурге, дала жалованные грамоты дворянству и городам, победила в войне Швецию и совершила еще множество дел на благо Российского государства. Особой строкой стоит отметить, что справилась в России с оспой, самой страшной заразой после чумы, введя оспопрививание.

23 октября 1768 года специально выписанный из Англии доктор Томас Димсдейл взял «оспенную материю» от больного уличного мальчишки и привил ее императрице. Этот мальчишка за такие

заслуги стал дворянином с гербом и фамилией Оспенный. После выздоровления от привитой оспы Екатерина приказала поставить балет «Побежденное предрассуждение», где действующими лицами были Минерва, Рутения, Гений науки, Суеверие и Невежество. Россия стала передовой страной в деле вакцинации. И когда французский король Людовик XV, который хотел вернуть Россию в ситуацию хаоса и варварства, не сделал прививку и умер от оспы, Екатерина в свою очередь назвала это варварством. Вольтеру она писала с явной гордостью (декабрь 1768 года): «Я подумала, что лучше всего было бы самой дать пример, полезный для людей... Большое число придворных последовало этому примеру, и еще многие другие готовятся. Кроме того, в Петербурге делаются прививки в трех воспитательных домах и в госпитале» [Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 110–112].

Вольтер — Екатерине II. 29 января [1768 г.]

Сударыня,

Говорят, что один старик, по имени Симеон, увидя малого ребенка, воскликнул от радости: «Мне остается только умереть, поскольку я видел мое спасение». Этот Симеон был пророком, он видел издалека, что предстояло совершить этому маленькому еврею.

Я не еврей, не пророк, но я, такой же старый, как и Симеон, я не угадал бы в 1700 году, что в один прекрасный день разум, столь же неизвестный патриарху Никону, сколь и Священной коллегии, которому желают зла столь же папы



Ф. С. Рокотов. Портрет Екатерины II. 1763. ГТГ

и архимандриты, сколь и доминиканцы, прибудет в Москву, на голос родившейся в Германии принцессы, и что она соберет у себя в большом зале идолопоклонников, мусульман, греков, латинян, лютеран, которые все станут ее детьми.

[Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 107]

Екатерина успешно воевала с турками и шведами, Франция с опаской глядела на Россию. Держава, очевидно, крепла, западные государи стали всерьез ее опасаться. Русская императрица сумела преодолеть тяжелейшие государственные испытания и не только от внешних врагов.

Франция желала победоносной войны Турции против России, чтобы усилиями турок разгромить Российскую империю, своего рода прокси-войну. Немалую роль играл в этих планах шевалье или барон де Тотт (1733–1793) — французский советник при Бахчисарайском дворе.

Накануне основных военных действий в 1770 году не только Порты, но и Версаль были уверены в близком и полном торжестве Турции. К тому же первые военные кампании показали силу и мощь османских янычар и превосход-





Барон де Тотт

демии пришелся на период с июля по ноябрь 1771 года. Ежедневно умирало более тысячи человек. Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах. Поводом для восстания послужил инцидент у Варварских ворот Китай-города. В народе распространялось поверье в чудотворность иконы Боголюбской Божией Матери, в то, что она может исцелить от «моровой язвы». Толпы народа стали стекаться к Варварским воротам. Московский архиепископ Амвросий, понимая, что скопление народа способствует распространению заразы, не разрешил там молебны.

Как пишут историки, архиепископ Амвросий запретил это «суеверие и торжище», но, когда на площадь явилась посланная генералом Петром Дми-

ство над русскими. По такому поводу французский посол граф Сен-При решил воспользоваться «надеждой на великие успехи» и устроить большой бал в Стамбуле. Сен-При поручил устройство празднества барону Тотту. Но в июне Алексей Орлов в Средиземном море у Чесмы поджег османский флот, а через двадцать дней, в июле, произошли две крупные победы русских у Ларге и Кагуле. Как потом написал Тотт, стало невозможно думать о празднествах.

Но кроме откровенной вражды Запада случилась внутренняя катастрофа. В 1771 году в Москве разразилась чума и вспыхнул Чумной бунт. Это было много страшнее недавней пандемии ковида. С чумой Камю сравнил нацизм, самое страшное бедствие человечества.

В Россию эпидемия чумы в те годы проникла через территории Молдавии и Украины. Пик эпи-



И. И. Матюшин. Убиение высокопреосвященного Амвросия во время московской чумы. 1872. Гравюра



триевичем Еропкиным (1724–1805) команда солдат с подьячими, народ ей не подчинился. Пронесся вопль: «Богородицу грабят, бейте их», ударили в набат, и народ ринулся в Кремль убивать Амвросия. Толпа разорила Архиерейский дом, начала грабить Чудов монастырь, где добралась до винного погреба. Искали архиепископа, но тот уехал в Донской монастырь. Утром следующего дня толпа была у стен обители. Амвросий вышел, попытался увещевать людей, но был растерзан бунтовщиками. Оголтелая орава требовала уже голову самого Еропкина. Генерал сначала приказал стрелять холостыми, но в толпе решили, что, раз нет убитых, значит, их охраняет Богородица, и ринулись в наступление. В последний момент на помощь защитникам Кремля успел



Неизвестный художник. Портрет Петра Дмитриевича Еропкина. 2-я половина XVIII века. Тульский музей изобразительных искусств



Ф. С. Рокотов. Портрет графа Г. Г. Орлова в латах. 1762–1763. ГТГ

Великолуцкий полк, прямо с марша ударивший по бунтовщикам. Имевших огнестрельные ранения горожан солдаты считали преступниками и добивали, а звонарей, бивших в колокола для разжигания бунта, штыками сбрасывали с колоколен.

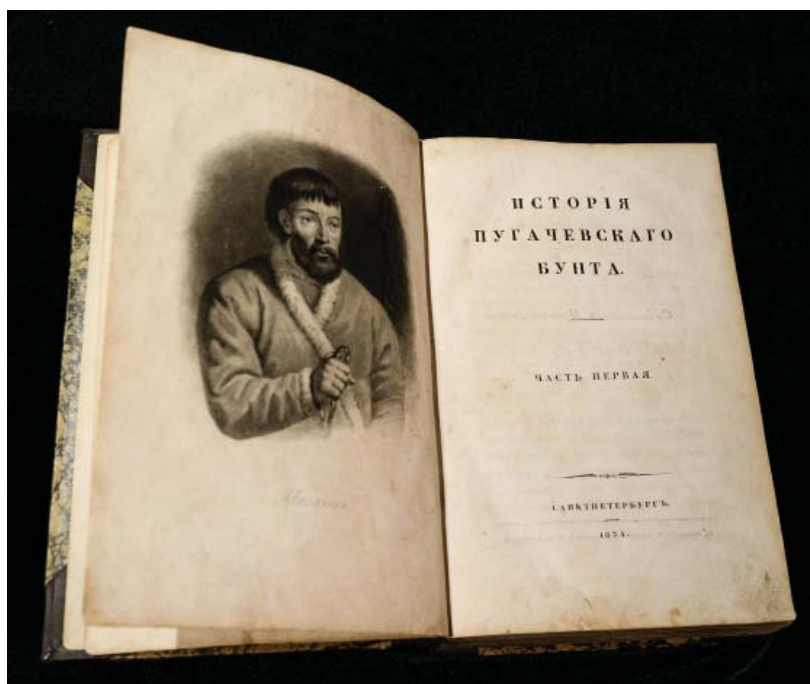
На борьбу с черной смертью Екатерина отправила своего фаворита графа Григория Григорьевича Орлова (1734–1783).

Граф провел следствие: четверо убийц Амвросия были повешены, 72 человека «биты кнутом с вырыванием ноздрей» и отправлены на каторгу, 89 человек высекли плетьюми и приговорили к казенным работам. У колокола на Набатной башне Кремля вырвали язык. Орлов обеспечил уборку мусора на улицах, запретил

сопровождать умерших на кладбище, ввел дезинфекцию домов. Специальные бригады «окуривали» уксусным дымом улицы. При этом он обеспечил работой всех горожан, поднял вдвое зарплату врачам, открыл приюты для сирот и установил выплаты для выписанных из больниц. Еропкин остался на службе и, едва оправившись от ран, стал правой рукой Орлова. Мало кто помнит, но от Пречистенки отходит Еропкинский переулок, названный в честь генерала Еропкина, боровшегося с черной смертью. Переулок сохранил свое название, несмотря на прогремевшие по России революции, много чего изменившие.

Но внутренние потрясения не закончились победой над черной смертью, случился в 1773 году мятеж, «поколебавший, — как писал Пушкин, — государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 103].

Это было страшное государственное потрясение. Речь о Пугачеве, который, говоря языком советских учебников и ошалелых демократов, поднял крестьян на борьбу с барами. Напомню хотя бы героическую поэму Есенина «Пугачев». Да и город Пугачев был основан при советской власти. Этот тон звучит и поныне. Но так ли это? Ударной силой мятежа были казаки и не оседлые еще племена башкир (скажем, Салават Юлаев), киргизов, татар и др. В основе было желание истребить зажиточную часть населения, прежде всего дворянство. Как писал С. М. Соловьев, вновь поднялась степь против мирного народа. По словам А. Б. Каменского, это была последняя попытка казачества, явившегося инициатором и главной движущей силой этих событий, изменить свой социальный статус с тем, чтобы или заместить собою дворянство, или, по край-



ней мере, встать с ним вровень. Кстати, крестьяне примкнули к мятежу только на втором году бунта. Интересно, что среди бесконечных убийств, совершенных Пугачевым, чуть не погиб великий баснописец. Его отец возглавлял защиту Оренбурга. Как пишет Пушкин, «Пугачев скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 58]. Реально бунту сопротивлялось дворянство: «...стало ясно, что при всех издержках лишь дворянство могло быть истинной опорой трона» [Анисимов, Каменский, 1994, с. 168].



П. Ф. Соколов. Портрет А. С. Пушкина. 1836.  
Всероссийский музей А. С. Пушкина,  
Санкт-Петербург

Сошлюсь на фундаментальную работу академика Я. К. Грота «Жизнь Державина» (1883). Мы следом за Пушкиным повторяем слова о «старике Державине»<sup>1</sup>, а между тем был и он юным, при этом гвардейским офицером, воевал, участвовал в пугачевской кампании, дважды пытался поймать предводителя, по его приказу было повешено несколько разбойников. Дважды ему удавалось уйти от настигавшей его шайки. Пугачев объявил за его голову награду 10 000 рублей — сумма по тем временам фантастическая. Но деньги у Пугачева были. В «Истории Пугачева» Пушкин свидетельствует: «В Берде найдено осмнадцать пушек, семнадцать бочек медных денег и множество хлеба» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 62]. Причем поэту было понятно, что деньги эти иностранного происхождения. «Пугачев, вопреки общему мнению, никогда не бил монету с изображением государя Петра III и с надписью *Redivivus et ultor*<sup>2</sup> (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатые латинские надписи и довольствовались уже готовыми деньгами» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 139]. Любопытно, что в переписке Вольтера и Екатерины они оба именуют само-

<sup>1</sup> Сошлюсь на строчки прекрасного поэта Давида Самойлова (1962): «Был старик Державин льстец и скаред, / И в чинах, но разумом велик. / Знал, что лиры запросто не дарят. / Вот какой Державин был старик!»

<sup>2</sup> Воскресший мститель (*лат.*).



званца маркизом. Именуют, разумеется, иронически, но в каждой шутке есть момент нешуточный. Иными словами, Западная Европа продолжала надеяться на гибель Северной Семирамиды от ударов не только извне, но и изнутри. И всячески помогала бунтовщикам, делая вид, что не замечает их чудовищных преступлений. Франко-турецкий след совершенно явно в пугачевском бунте видел Вольтер: «Очевидно этот фарс, — писал он о мятеже, — разыгрывает шевалье де Тотт. Но мы уже не во времена Дмитрия. Театральную пьесу, имевшую успех двести лет назад, сегодня встретят свистом» [Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 404]. Однако, по словам Пушкина, «императрица, досадуя на сплетни европейские, отвечала Вольтеру с некоторым нетерпением» [Пушкин, 1959–1962, т. 7, с. 51]:

Это одни газеты распространяют много шума о разбойнике Пугачеве, который, безусловно, не имеет ни прямой, ни косвенной связи с г. де Тоттом. Я придаю одинаковое значение пушкам, которые отливают один, и предприятиям другого. Г. Пугачев и г. Тотт имеют, однако же, то общее, что один ежедневно вьет себе пеньковую веревку, а другой подвергается опасности заслужить шелковый шнурок.

[Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 406]

Державину не удалось захватить самозванца. Екатерина направила в итоге для борьбы с бунтом серьезных полководцев, имевших большой боевой опыт, — это А. И. Бибиков, граф П. И. Панин и наиболее результативный эстляндский дворянин полководец И. И. Михельсон. Даже А. В. Суворов бы снят с турецкого фронта и послан против Пугачева. Императрица долго медлила с отправкой Суворова, поскольку не хотела, чтобы Запад понял, сколь серьезен и опасен для российского государства этот бунт. Разбил Пугачева и пленил его Михельсон. Я. К. Грот так описывает, опираясь на «Записки» Державина, его встречу с Пугачевым:



В. Л. Боровиковский. Портрет Г. Р. Державина. 1811. Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург



Под самым Симбирском Державин встретил гр. Панина, ехавшего с большою свитою на охоту; поэтому он отправился прежде к князю Голицыну, который в то время был также в Симбирске. Голицын чрезвычайно удивился смелости Державина и советовал ему лучше ехать, не останавливаясь, в Казань и там искать покровительства Потемкина. Державин при этом услышал между прочим, что Панин уже недели две (следовательно, с получения его рапорта) повторяет при всех за столом, что он ждет от государыни повеления повесить Державина вместе с Пугачевым.

Но это не испугало нашего приезжего поручика: по возвращении Панина с охоты Державин поспешил явиться к нему; после первых слов граф спросил, видел ли он Пугачева.

— Видел на коне под Петровском, — отвечал офицер.

— Прикажи привести Емельку, — сказал Панин Михельсону.

Через несколько минут введен был самозванец в оковах по рукам и по ногам, в старом засаленном тулупе. Он стал на колени.

Граф спросил:

— Здоров ли, Емелька?

— Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство.

— Надейся на милосердие государыни, — и с этим словом Панин приказал увести его.

Так, по предположению Державина, гордый начальник хотел, с одной стороны, похвалиться тем, что Пугачев в его руках, а с другой — уколоть Державина, дав ему почувствовать, что он при всех своих усилиях не мог поймать злодея. После удаления Пугачева главнокомандующий и все бывшие тут штаб- и обер-офицеры пошли ужинать. Державин, хотя и не получил приглашения, однако отправился вслед за другими и занял место у графского стола, помня, что он гвардейский офицер и сживал во дворце за одним столом с императрицей. Заметив его, граф нахмурился, заморгал по своей привычке глазами и вышел под предлогом, что забыл отправить курьера к государыне.

[Грот, 1997, с. 147–148]

Да, даже в пересказе Грота чувствуется обидчивость Державина, которого постоянно обходили чинами и наградами, не приглашали к столу и т. п. Грот показал, что Пушкин, работая над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой», опирался и на материалы Державина. В период восстания Державиным было написано несколько толстых тетрадей: «Черные мои отпуска по комиссии Пугачева», «Ордера по комиссии бунтовщика Пугачева», «Сообщения и рапорты по комиссии Пугачева», «Партикулярные письма во время бунта Пугачева».

Как мы знаем, Державин добился в конце концов и служебного успеха (стал сенатором, министром юстиции, тайным советником). К тому же носитель государственной, *державной* фамилии. Не забудем, что это лучший поэт допушкинской эпохи. Цитировать его стихи, наверно, не имеет смысла, образованные читатели не могут их не знать. Приведу свое любимое, написанное Державиным перед смертью на грифельной доске и, судя по всему, не оконченное. Но гениальное.

Река времен в своем стремленьи  
Уносит все дела людей  
И топит в пропасти забвенья  
Народы, царства и царей.  
А если что и остается  
Чрез звуки лиры и трубы,  
То вечности жерлом пожрется  
И общей не уйдет судьбы!

[Державин, 1983, с. 204]

Наверно, он прав, но по крайней мере сотни лет мы храним в нашей памяти имена героев, важные имена. Об этом стихотворение очень юного Пушкина, которое так понравилось «старикку Державину».

*Воспоминания в Царском Селе*  
О, громкий век военных споров,  
Свидетель славы россиян!  
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,  
Потомки грозные славян,  
Перуном Зевсовым победу похищали;  
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;  
Державин и Петров героям песнь бряцали  
Струнами громозвучных лир.

(1814)

[Пушкин, 1959–1962, т. 1, с. 10]

Пугачев хотел если и не сместить, то затмить Екатерину. Два слова о знаменитом портрете Пугачева. Этот портрет хранится в собрании Исторического музея Оренбурга.

Рассказ оренбургского журналиста Василия Львовича Савельзона о портрете, опубликованный в газете «Оренбуржье»:

Когда пугачевцы захватили Илецкий городок, сейчас это село Илек вашей Оренбургской области, то в присутственном месте обнаружили портрет императрицы Екатерины. Пробили его пиками, порубили саблями. А потом кому-то пришлось в голову: есть местный живописец, вот пусть поверх напишет нашего царя-батюшку. Портрет написан маслом на холсте. Иконописные приемы письма указывают, что автором портрета был иконописец-самоучка из староверов. Смотрите, вверху портрета, на его левой стороне, поставлена дата: «Сентября 21 1773 г.», а на обратной стороне сделана надпись: «Емельян Пугачев родом из Казацкой станицы нашей православной веры и принадлежит той веры Ивану сыну Прохорову. Писан лик сей 1773 г. сентября 21 дня».

Как открылось, что он написан поверх изображения Екатерины Второй? Реставрация портрета в 20-х годах XX века открыла любопытную деталь. Увидели, что через папаху самозванца просвечивает какое-то лицо. Стали осторожно расчищать, и оказалось, что портрет Пугачева нарисован... на портрете Екатерины.

[Савельзон, 2011]

Возможно, эта история — миф. Но портрет реально существует.

После разгрома бунта и казни Пугачева Екатерина позволила себе пожаловаться Вольтеру на сложность и ужас пережитого государством:

Думаю, что после Тамерлана не было никого, кто причинил бы больше ущерба роду человеческому. Прежде всего он неумолимо вешал без какой-либо формы процесса, всех благородного происхождения, мужчин, женщин и детей, всех офицеров и солдат, на которых он мог напасть. Ни одно место, где он проходил, он или его воинство, не избежало грабежа и разорения. Даже и те, кто, чтобы избежать его неистовства, пытался расположить его к себе добрым приемом, не были в безопасности от грабежа и убийства.

[Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 417]

Сошлюсь на современного западного историка: «...вид убитых дворян, гроздьями висящих в петлях, с отрезанными головами, руками и ногами, побуждал силы правопорядка к столь же свирепым расправам» [Мадариага, 2002, с. 403].



Как пишут историки, итогом военных действий крестьянской войны стало уничтожение более трех тысяч дворянских семей, шестидесяти уральских заводов. Разрушались военные крепости, разорялись и уничтожались православные храмы, сжигались города. Пугачевские казаки нещадно резали правительственных офицеров, насиловали их жен и дочерей. Восставшие убивали священников, а также простой люд, не щадя ни младенцев, ни стариков. По словам историка Андрея Зорина, вырезались целые семьи с маленькими детьми, была идея извести дворянство под корень. Почти репетиция Октябрьского переворота. Ответ правительства был суров и жесток.

Екатерина хотела изгладить из памяти народа и государства пугачевскую историю, будто ее не было. Известно, что, когда готовилось сражение при Саламине, Ксеркс приказал устроить понтонный мост, чтобы скорее перебросить свои войска к месту битвы. Но поднялся ветер, мост был разрушен. Разгневанный царь приказал наказать море, и персидские палачи, бывшие при войске, высекли морскую воду. Море сечь Екатерина не собиралась, но ее приказ об отмене наименований сродни приказу Ксеркса.

Сменила название реки, яицкие казаки были переименованы в уральских. Если бы кто-нибудь сравнил действие Екатерины с приказом Ксеркса и сказал ей об этом, она, будучи весьма образованной женщиной, наверно бы оскорбилась, но слишком она трепетала за государство и была наотмашь. Не хотела, чтобы в памяти западных «народных витий» звучали слова «Яик», «яицкие казаки».

Заканчивая эпистолярный эпос о казацком самозванце, она в письме Вольтеру была раздраженно-презрительна: «Маркиз Пугачев, о котором вы еще говорите... жил злодеем, а кончил трусом. Он оказался столь робок в тюрьме, что были вынуждены приготовить его к выслушиванию приговора с предо-



сторожностями из опасения, как бы он тотчас не умер со страха» [Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 421].

Приговор был жестокий, очень жестокий — четвертование. Как ученица французских просветителей могла его подписать? Но, во-первых, она негласно смягчила его, повелев вначале отсечь голову, а лишь затем руку и ногу. Во-вторых, как настоящая государственныйница, она объяснила Вольтеру суровость приговора:

Что лучше всего оказывает, до какой степени человек льстит себя надеждами, — то, что он дерзает питать какие-то надежды на мое помилование или, как он говорит, что со своей храбростью он мог бы будущими заслугами заставить забыть прежние преступления; если бы он нанес оскорбление только мне, его рассуждения могли бы быть справедливы, и я простила бы его, но это дело — дело всей Империи, а у нее свои законы.

[Екатерина II и Вольтер, 2022, с. 417–418]

Да, у империи свои законы.

У государства свои законы, как звучит эта же мысль в другом переводе.

Иными словами, общественной жизнью должно управлять библейское чудовище, «огромно, стозевно», то есть Левиафан. Левиафан, по Гоббсу, — это государство, которое берет в обществе власть в свои жесткие руки, чтобы люди не истребили друг друга, чтобы «прекратить войну всех против всех». Томас Гоббс (1588–1679), переживший английскую революцию, знал, о чем писал. Императрица была государственныйницей. Но государства бывают разные.

Как известно, императрица считала себя ученицей французских просветителей. Скажем, многие идеи Монтескье вошли в ее «Наказ», более того, они стали опорой ее правления. Трактат философа «О духе законов» Екатерина называла «молитвенником государей». Монтескье писал о том, что для страны с большой территорией пригодно только монархическое правление. Екатерина подхватила эту мысль, заявив в своем «Наказе», что основой русского государства, которая держит и крепит его, является самодержавие: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит... Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно» [Екатерина II, 2005, с. 73].

Каковы же были государственные успехи Екатерины? Их было немало. Россия стала мощной военной державой. К империи были присоединены Новороссия, Крым и часть Кавказа, расширились западные границы страны. Население империи выросло с 19 до 36 миллионов человек. Появилось около

двухсот новых городов, среди них такая жемчужина, как Одесса, похоже, это был южный вариант Петербурга. Екатерина еще строила и российское образование, в том числе женское. Открыла женское училище — Смольный институт благородных девиц. По приказу Екатерины было создано 316 народных училищ для детей обоего пола и разного состояния. Перечислять достижения правления Екатерины сложно. Но очевидно одно, что территории и население должны были войти в правовое пространство империи. Задача была поставлена изменившейся реальностью. Как пишет современная исследовательница, «путем законодательной реализации стало возможным внедрить комплексные идеи мыслителей Просвещения в практику судебно-следственного процесса, который связан с иными социальными категориями, нежели образованные сословия... Именно указы от 1763 года вошли в низовую практику и позволили положить начало коренным изменениям в судебно-следственной системе Российской империи» [Петрова, 2023, с. 42–43]. И это не случайно. Екатерина считала одним из важнейших дел государства обустройство территорий и правовое регулирование сословных отношений и управляющих структур. Впрочем, все дела государства были для нее важнейшими.

### Список источников

- Анисимов Е. В., Каменский А. Б. Россия в XVIII — первой половине XIX века. М.: МИРОС, 1994. 333 с.
- Грот Я. К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. 690 с.
- Державин Г. Р. Стихотворения. М.: Правда, 1983. 224 с.
- Екатерина II и Вольтер. Переписка / пер. и сост. А. И. Любжин. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2022. 600 с.
- Екатерина II, императрица. О величии России. М.: Эксмо, 2005. 829 с.
- Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 712 с.
- Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. 560 с.
- Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: НЛО, 2002. 973 с.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. 10 т.
- Петрова М. С. Идеи эпохи просвещения в ранних реформах суда и следствия Екатерины II: новые законы и их реализация на практике // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. № 3. С. 41–64. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3- 41-64.
- Савельзон В. Л. Одним мифом меньше? // Оренбуржье. 2011. 30 марта.

## References

- Anisimov, E. V. and Kamenskii, A. B. (1994) *Rossiya v XVIII — pervoi polovine XIX veka* [*Russia in the 18<sup>th</sup> — first half of the 19<sup>th</sup> century*]. Moscow: MIROS.
- Grot, Ya. K. (1997) *Zhizn' Derzhavina* [*Derzhavin's life*]. Moscow: Algoritm.
- Derzhavin, G. R. (1983) *Stihotvoreniia* [*Poems*]. Moscow: Pravda.
- Lyubzhin, A. I. (ed.) (2022) *Ekaterina II i Vol'ter. Perepiska* [*Catherine II and Voltaire. Correspondence*]. Moscow: Universitet Dm. Pozharskogo.
- Ekaterina II, Imperatritsa (2005) *O velichii Rossii* [*About the greatness of Russia*]. Moscow: Eksmo.
- Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [*Treatises and letters*]. Moscow: Nauka.
- Karamzin, N. M. (1991) *Zapiska o drevnei i novoi Rossii* [*Note on ancient and new Russia*]. Moscow: Nauka.
- Lomonosov, M. V. (1986) *Izbrannye proizvedeniia* [*Selected works*]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
- Madariaga, Isabel' de (2002) *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoi* [*Russia in the era of Catherine the Great*]. Moscow: NLO.
- Pushkin, A. S. (1959–1962) *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Collected works: in 10 vols*]. Moscow: GIKhL.
- Petrova, M. S. (2023) “Enlightenment Ideas in Catherine’s the Great Early Reforms of Investigative System: New Laws and Their Realization in Practice”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 41-64. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3- 41-64.
- Savel'zon, V. L. (2011) “Odnim mifom men'she?” [“One less myth?”], *Orenburzh'e* [*Orenburg Region*], 30 March.
- 

## Информация об авторах

Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Марина Сергеевна Киселева — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.



## Information about the authors

Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Marina S. Kiseleva — DSc in Philosophy, Professor, Principal Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023;  
одобрена после рецензирования 01.12.2023;  
принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023;  
approved after reviewing 01.12.2023;  
accepted for publication 10.12.2023.